

Алиева К.М.

**ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «СЛОЖНОСТЬ»
В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ**

К.М. Alieva

**DISCURSIVE ANALYSIS OF «COMPLEXITY» TERM
IN SCIENTIFIC KOGNITION**

Предлагается анализ, обоснованный предшествующими суждениями, философских оснований становления в эпистемологии понятия сложность. При этом в соотношении простого и сложного, сложности и простоты акцентируются взаимоотношения формы и содержания, показаны роли системы, промежуточного и взаимодействия.

Discursive analysis of philosophical foundation of becoming of complexity term in epistemology is offered. By this mutual relations of form and content are accented in correlation of single and complex, of complexity and simplicity; roles of system, intermediate and interaction were shown.

Одним из распространенных понятий постнеклассического периода научного познания признается «сложность». Осмысление его гносеологического и онтологического аспектов – актуальная задача в эпистемологии. Генезис этого понятия восходит к античной философии, к примеру, толкование «смеси» и «смещения»: в «Филебе» Платон устами Сократа отличает смесь от беспорядочной массы [1], а Аристотель рассуждает о реальной смеси и их классификации как: синтезиса – механического соединения и миксиза – понятия, близкого к связному соединению – сращению [2, с. 25]. Здесь обнаруживается раздвоение понятия. Но квинтэссенция высказываний одна: эксплицирована сложность как целостность взаимопереходов потенции и акта. В таком античном классическом утверждении, что «как между бытием и небытием – возникновение, так и возникающее – между существующим и несуществующим» [2, с. 40], сложность, согласно И.Р. Пригожина [3], присутствует в становлении. В этом контексте понятие «сложность», его содержание и формы, а также их взаимоотношение полностью представлены в онтологическом поле категории бытие. Здесь следует акцентировать и другую мысль, что принадлежащее к бытию как неизменению – истинно: «есть бытие, а небытия вовсе нет» [4]. Известно и такое предложение Парменида, также отрицающее феномен процессуальности, динамичности мира: «и нет, и не будет иного сверх бытия ничто» или «бытие в целом и как таковое – неизменно». Из этой античной полемики эксплицируется, что бытие мира столь

многогранно и многолико, и отсюда его процессуальность и событийность. И не имеет и, в принципе, не может иметь аналогов, подобий. С другой стороны многообразие и разнообразие составляют целостность бытия, окружающего нас мира. И этот классический вывод не изменился и актуален, так как имеет свой фундаментальный штрих, который сегодня уже выделен и подчеркнут в научном познании. Это его сложность. И ее рассмотрение предлагается соотносить к воззрениям диалектика Аристотеля.

Внимание современника в понимании сложности занимает такие аспекты как хаос и порядок [3]. Хаос в познании древних ассоциировался с неоформленностью, а иной – упорядоченной ипостасью, т.е. оформленностью, виделся Космос. Однако сегодня это не два антипода, как у Аристотеля, а разделение, вернее раздвоение, бытия на два вида сложности, постигаемые и воспринимаемые относительно друг с другом. Поскольку это раздвоение (бифуркация) одного, то они могут быть креативными, возрождаемыми друг из друга, чередовать рождения, т.е. между ними есть связующее, промежуточное. Известно, что в аристотелевском анализе сущности вещи через доказательство его существования, в их тождественности видится простое. Отсюда дифференциация на сущее и несущее, на феномен и ноумен, инобытие и бытие, наличное и неналичное бытие, вещь, вещь-в-себе, вещь-вне-себя и другое различение несет в себе необходимое его усложнение. Оно определяется повышением функциональной необходимости и есть следствие взаимодействия системы-среды, проявляющегося в различной ипостаси. Отсюда действительно верно предполагать, что сложность есть потенциально заложенная в «самодвижении» или в самоорганизации сущность вещи.

Сложное-простое продолжает существовать категориальной дилеммой и в схоластической философии. И здесь в определении различных универсалий достаточно много спорного. Для средневекового познания также характерна трактовка проблемы потенции и актов. При этом акцентируется идея промежуточного, что «крайние элементарные качества образуют средние, промежуточные, подобно тому, как

свет и тьма могут образовывать многообразие промежуточных цветов... сама субстанциальная форма смеси есть сложное действие *in virtū* первоформ» [5]. Но это трактовка есть развитие концептуальной идеи Аристотеля [2, с. 175]. Движение для него среднее или промежуточное между возможностью и действительностью и в трактовании «Метафизики» [2, с. 320-322] – между потенцией и деятельностью. Понимание сущности промежуточного играет у него своеобразную роль. Промежуточное выражает единство беспредела и предела. Промежуточное опосредствует противоположности крайностей. В промежуточном и совмещаются, и разъединяются крайности: «то, что находится в промежутке между пределами, принадлежит – как и самые эти пределы – к одному и тому же роду. И такое промежуточное содержание заключено между определениями, противоположащими друг другу, причем, однако замыкающие его пределы противоположат не как взаимно противоречащие утверждения (в этом случае посередине не было бы ничего), а также и не как определения, просто соотносенные между собой (тогда они могли бы и не принадлежать к одному и тому же роду); промежуточное дано специально между определениями, которые противоположны одно другому. Из этих противоположностей должны состоять все вообще определения – и противоположные, и промежуточные между ними. Так как у противоположных (определений) может быть что-нибудь в промежутке между ними, промежуточные определения должны слагаться из противоположных. В самом деле, промежуточными (состояниями) мы называем те, в которых вещь, подвергающаяся изменению, должна предварительно измениться (например, если переходить путем наименьших отличий от крайней – самой низкой – струны к самой высокой, то прежде придешь к промежуточным звукам, а в области цветов – идя от белого цвета к черному – прежде к пурпуровому и серому цвету, нежели к черному; и подобным же образом (будет обстоять дело) и во всех остальных случаях); а переходить при изменении из одного рода в другой нельзя, – разве только – привходящим образом, например, если переходим от цвета к форме» [2, с. 175]. Аристотелевские среднее и промежуточное представляют (см. издания «Метафизики» в разные годы) как тождественные понятия. Но есть разное смысловое их содержание: среднее как находящееся между и субстанциальное, а промежуточное – изменяющееся между. Из этой древней истины следует выделить некоторые черты современного понимания среднего как промежуточного: во-первых, оно метастабильно, обладает высокой чувствительностью, а отсюда имеет тенденцию к ветвлению – к бифуркации; во-вторых, мобильно в пространстве, ограниченном крайними, а отсюда его неопределенность и размытость; в-третьих,

полиморфно и отличается множественностью форм, т.е. неоднородно, отсюда трансформируемо и мутируемо; в-четвертых, обладает временной емкостью становления, т.е. моментно или наоборот продолжительно; в-пятых, характеризуется креативностью, открытостью и взаимодействием; не имеет базисных основополагающих противоположных как противоречий [6].

Воззрения Средневековья в осмыслении категории простое-сложное особо различают субстанциальное и акцидентное. Действительно, сложность есть там, где есть возможность и случайность. И, с точки зрения XXI века, нельзя отрицать истину: случайное вносит сложность, а становление из возможности в действительность и есть источник усложнения. И в своих рассуждениях они вполне обоснованно опираются на понимание случайного, которое порождено становлением [7] промежуточного, где присутствует сложность равнозначных [8]. Это внимание к проблематике сложности-простоты показывает, что уже тогда философия и наука часто сталкивались с этими понятиями. Особенное, рациональное зерно в зрелой философии схоластов есть видение полной смешанности, *in virtū*: в человеке. И как показывает анализ, проглядываются намечившиеся предпосылки определения стержневой основы сложности: в онтологическом ракурсе как промежуточного и становления; в гносеологическом аспекте как обоснования целостности.

Множество является категориальным понятием кантовской трансцендентальной системы чистого разума. При этом не всякое множество есть сложное: «то, что остается по устранению всякой связи, и есть простое. Для сложного требуется множество частей, а для целого – все части» [9]. Эта сентенция встретится в XX веке как основоположение в определении сложного через систему.

Однако данная попытка определения сложного и простого проводится на основе представлений диалектики Г.В.Ф. Гегеля. Почему? Обращение к нему не случайно: есть ряд факторов. Категориальная сущность становления излагалась Аристотелем, но в классической* науке видны только его истоки. Тем не менее, обнаруживается близость их суждений. И в синергетике понятие становление содержит сложность. Дифференцированное философское осмысление ее содержания началось в неклассической науке Нового Времени. А современное пространство науки насыщено различными формами этого понятия, поэтому накопленное знание позволяет теории научного познания иметь свою точку зрения и вносить соответствующие коррективы в основание его категориального статуса, при этом обратить внимание на ошибку диалектики Г.В.Ф. Гегеля. Но ныне наука, как известно, испытывает затруднения в понятийном осмыслении устоявшихся категорий, раскрытых в теоретической философии этого диалектика. К

примеру, он особо подчеркивает, что материя «сложна» [10, с. 61], поскольку уже тогда полагает, что природа «должна быть рассмотрена как система ступеней» [10, с. 33], т.е. он усмотрел ее иерархию. И современное понятие о субординации уровней предпослано той философией «ступенчатой» природы. При этом его простое настолько просто, что подчиняется механическим закономерностям. Более того, важно, что оно – пассивно, т.е. потенциально не имеет возможности эволюционировать. Такое, совсем иное понимание греческих потенций и акта: простое – это лишенное развития. Сложное предполагается как активное. Природа сложности у Г.В.Ф. Гегеля есть сложность единой целостности, а не через связность частей [10, с. 31]. Это отличное мнение от И. Канта. На этом отличии далее синергетика сформулирует понимание сложности. В связности же определяется система, предложенная Общей Теорией Систем как целостность. Однако связанное – еще не целостность. Целостное содержит и индетерминированные: несвязные и ненасыщенные связью составляющие. А необходимость взаимодействия более того предполагает раз-связывание целостной системы. Отсюда систему синергетика представляет только как методологическую интерпретацию сложности в реальности и предлагает типы этого познавательного инструментария: открытую, закрытую, изолированную системы.

Как известно, у Г.В.Ф. Гегеля знаменитое «от простого к сложному» предполагает метаморфозу, т.е. превращение. Он видит в метаморфозе совершенствование – эволюцию. К примеру, такую абстракцию, как точка есть инобытие пространства. Его «от простого к сложному» как совершенствование есть переход от неопределенности к определенности. Сложность есть совершенствование связности (системы) через оформляемость. В таком уточнении оформляемости видится прямая-обратная взаимосвязь или связанность, а связность – прямая зависимость. Но это линейные отношения. Здесь он развивает идею греческих мифов: переход «от простого к сложному» есть рождение формы. Но замечательно в этом рассмотрении «от простого к сложному» то, что он предполагает в развитии природы и второе ее направление: эманацию – «ступени последовательного ухудшения» [10, с. 35], полагая, что она даже предпочтительнее, чем эволюция. И, к сожалению, такой ракурс он раскрывает и применительно к развитию познания целостности. Это и понятно, так как основной концепт гегелевской философии – наличное для себя бытие, т.е. данность, посылка наличности, предполагающая рассмотрение данной целостности. Но определение системы, несмотря на незавершенность и полноту понимания как сложности, представляло собой доказанный факт и вызвало формирование принципа системности и его

интенсивное проникновение в науку как общенаучного понятия.

Таким образом, ретроспективное рассмотрение выстраивает следующую последовательность раскрытия понятийного содержания сложности: сложное и простое → множество → смесь-смещение → потенциальное – становление – актуальное → сущность → акцидентальное. В единстве сложности есть тенденция к разделению, а в промежуточном – единение равнозначных, но важны исключительность формы и совершенство содержания сложности в единстве (*in virtute* как возможности), т.е. в человеке. А эволюция знания сложного в неклассический период процесса познания прошла через бытие субстанциального к бытию процессуальному. Отсюда в эволюции понятия сложность наметилась тенденция теоретического осмысления ее сущностных соотношений, закономерностей как системы и процесса. И в этом ряду есть иной концептуальный взгляд: к рассмотрению понятий сложности и простоты следует подходить не как к явно полярным противоположным по смыслу категориям и не как к двум жестко определенным, по Г.В.Ф. Гегелю, противоречиям. Диалектика в основании понятия движение имеет противоречие. Такой взгляд и есть ошибочный, так как отношение противоречий исключает взаимодействие. Если в сущностном содержании сложности основоположено взаимодействие, то в промежуточном она проявляется. Крайности просты, и их взаимодействие: смещение и сращение вызывает сложность. Простое не противоречит сложному. Это две разные взаимодополняющие комплементарные категориальные формы целостности. Различение на простое и сложное проводится по степени организации систем, что не совсем верно. Такое понимание исходит от утверждения И. Канта. Простое и сложное – это всё же формы только целостности или виды организации? Но, вероятно, всего, есть различие между сложностью и организацией как целостности. Этого мнения придерживаются И.Р. Пригожин и многие другие авторы. Сложность-простота и организация – два разных понятия, первое шире. Сложность и простота – сущности вещи. Она познается в единстве формы и содержания. Сложность и простота как сущность проявляется организованным или неорганизованным. Но и содержание может быть и простым, и сложным. В организации же видится не только ближний, но и дальний порядок, выступает упорядоченный «строй», отсюда это понятие ближе к категории форма, т.е. организация – больше форма какого-то содержания. Следует ли отсюда считать, что это два уровня организации материи, т.е. простое – низший (к примеру, ген – низший), а сложное – (всё растение или организм) – высший уровень? Или есть различие: простое – не низший, и сложное – не высший уровень. И, опираясь на теоретическое положение учения о

сущности, что форма – внешнее к содержанию и их единство: в сущности, исходим из понимания, что «единство, моменты которого (бытие и ничто), даны как неразделимые, в то же время отлично от них самих и таким образом есть в отношении их некое третье, которое в своей самой характерной форме есть становление» [11, с. 152]. Единство формы и содержания проявляются в становлении, т.е. сложность присутствует в его проявлении. Становление – это упорядочивание чего-то (как сделать форму). А форм – много. Так в становлении и проявляется сложность.

Итак, сложность видится как продолжительная во времени промежуточное состояние и у Платона, и у Аристотеля, и Аквинского, и у Г.В.Ф. Гегеля. Определение (и дифференцирование) во времени и поиск интенсивных параметров этого состояния, согласование методов в познании сложной системы начнет И.Р. Пригожин в середине XX века. Тем не менее, утверждение таит со времен Платона сомнения такого рода: «нет ли между двумя противоположностями как бы чего-то промежуточного? Так как противоположностей две, то возможно два перехода – от одной противоположности к другой или, наоборот, от второй к первой» [12]. И тогда в парменидовском: «небытие становится бытием» и наоборот. Сознание человека определяет их (и инобытие, и бытие) как простое, не сложное, чем сам процесс изменения или становления. В то же время само становление есть следствие, как бытия, так и инобытия, т. е. простые (бытие и инобытие) есть причины сложного – становления. И все-таки, если становление и есть сложность, то простое-сложное в соотношении причина-следствие применимы к следствию как ее причины. Так сущность причинности явлений заключается в движущей силе переноса (энергии, массы, информации) взаимодействия, а следствие имеет кинетический характер. Кинетика проявляется в согласованности, в случайности, в поточности, в скорости, в стадийности, в обратимости и необратимости, в равновесии и неравновесии, т. е. в параметрах событийности-процессуальности. В их сути наличествуют порядок и хаос.

Материя – одна и в этом ее простота, ее всеобщность и единость, но отсюда и потенциально истекает её сложность: она имеется в единстве многообразия и в единстве разных форм и возникает в лице формы (оформленности). Сложное есть делимым, ветвящимся, имеющим потенцию состоять из частей, виртуальным, быть сложным, динамичным, развиваться – становиться. И причем становящееся более сложно, чем ставшее. Оно (ставшее) – простое, как элементарное и бесструктурное. Изменяться сложнее, чем быть в покое. Достигнутый покой – потенциальный, равновесный, но отсюда наблюдать его труднее, напряженной. Или сложность – качество вещи? Если

это так, то сложность и простота выступают его мерой. Мера – категория оценочная, познаваемая в соотношении, в сопоставлении. Тогда в онтологическом аспекте принципиальна относительная оценка вещи. И сложность, и простота ранжированы и следует различать степень сложности.

Такой «мыслительный» анализ становления исключает принципиальность, фундаментальность и приоритет скачка в развитии, закрепленного диалектикой как «переход есть скачок как перерыв постепенного» [11]. Современная наука утверждает превращаемость сложного в простое и наоборот, эту «метаморфозность» изменения материи как сущее бытия. Скачки требуют сложно(организованно)сти, т.е. процессуальности очень высокого порядка (в контексте синергетического языка). Это иное непрерывное изменение: скачок проявляется как простое, так как вследствие высокой когерентности, т.е. единства его составляющих, они катастрофичны (и создающие, и разрушающие «катастрофы») и «моментальны». Такая метаморфоза через скачки, на первый взгляд, проста: в науке используют выражение «механизм превращения прост». Но это, как видим, ложно.

Известно, что Г.В.Ф. Гегель в простом видел неопределенность: «из становления возникает наличное бытие. Наличное бытие есть простое единство (Einsein) бытия и ничто. Из-за этой простоты оно имеет форму чего-то неопределенного» [11]. Скачок – актуализация высокой упорядоченности, а в случае сложноорганизованности менее высокого порядка метаморфоза затягивается, приводя к иной (неопределенной) сложности, т.е. это простое изменение. А их Л. Витгенштейн определяет так: «сложность во времени, как имеющее место только во времени», «сложные объекты» – это продолжительные случаи. Они – что-то такое, что «постоянно происходит» [13]. Известно, что Г.В.Ф. Гегель к восхождению от низшего к высшему относится как процессу совершенствования [10, с. 43]. Но совершенствование отнюдь не всегда является сложным и усложненным, насколько оно и случайно? Он же здесь подчеркивает стремление к гармонии, а это и тенденция к простоте (абсолютного) духа. И интерпретирует простое как прямую линию, т.е. наименьшее расстояние между двумя точками, а сложное (совершенствованная, гармоничная простота) – круг. Если опираться на одно из современных определений хаоса как всякого увеличения промежутка между двумя точками, то итерация прямой до круга – это замкнутый путь покорения хаоса. Но в своем «мыслительном рассмотрении философии природы» Г.В.Ф. Гегель потенцию к превращению не отделяет от развития природы скачками. И здесь встречается его противоречия. Замечательна его мысль о многоуровневости, а также вывод и обоснование запрета редукции высшего к низшему. Однако сейчас это весьма спорно (ген и

организм). Замечательно, что им подтверждена идея промежуточного. Но с другой стороны, эта мысль, противоречащая понятию скачков: развитие через скачки нивелирует промежуточное. Скачки не имеют траекторий. Но промежуточное определяют через них: «эти промежуточные звенья доказывают только то, что в природе нет скачков именно потому, что она складывается сплошь из скачков» [14]. Они видели разные оттенки скачка. Сложность действительно определяется во времени: если для высокой степени когерентности или самоорганизации время ёмко, для низкой степени – растянуто. В первом случае промежуточное событийно в высокой когерентности – это если сущность одна, во втором случае – иное сущностное соответствие. Первый случай и есть скачки – сложно (организованность высокой степени или сложно-организационная когерентность высокого порядка – самоорганизация. В его рассуждениях восхищает философская прозорливость: простое он определяет в «самости, олицетворяющей процесс» [10, с. 483] – в вещи. Эти суждения трактуют идеалистическими, а иногда и мистическими. Положения диалектики при рассмотрении сложности процессуального мира спорны, но и законы диалектического материализма – это только частные законы развития (направленного и закономерного) в природе. Тем не менее, диалектика Г.В.Ф. Гегеля «от простого к сложному» намного шире: от пассивного к развивающемуся и не столь узко специфична и односторонна. Сложность атрибутивна активными. И проявляется во взаимодействии (которое он особо выделял) как в «причинном отношении» [15]. Это вторая характеристическая (параметрическая) особенность сложности. Первая: в сложно (организованности. Если Г.В.Ф. Гегель развил мысль «противоречие является источником всякого движения и жизни в целом» [16], то далее она дополнена как «движение само есть противоречие... А постепенное возникновение и одновременное разрешение этого противоречия – и есть именно движение» [14, с. 123-124], а последующие диалектические материалисты канонизировали это противоречие до детерминистических концепций в познании и применили в реальных технологиях различной природы. В природе же присутствуют другие взаимодействия содержания и формы, сущности и явления. Познание мира уже на языке Г.В.Ф. Гегеля имело тенденции описывания не на языке субстанции, которой приоритетна устойчивость, а на языке событийности. В доминантности изменения виделся образ уайтхедовской процессуальности [17], в сотворении чувствовалась творческая эволюционность [18], «в-себе-и-для-себя-бытия» [10, с. 483] проглядывался Dasein [19]. Он наметил, но не развил идею простоты в гармонической целостности, сложноставшей самости вещи вследствие самодвижения или того, что синергетика называет сейчас самоорганизацией.

Сущность вещи не есть только единство проявлений: явление выступает как единичное из сущности, есть и кантовская «вещь в себе», вернее, ее отблески. Но оформленность уже ставшего будет простой для другой сложности, а сущее или самость (как гераклитовский логос, как кантовская вещь в себе, как китайское – ли, а японское – кокоро) закономерностей содержится в сущем порядка – энтропийности взаимодействующих. Природа и количество компонентов системы обуславливают порядок: связи, соотношения, структурированность, но, как говорилось ранее, порядок поддерживается и неструктурированными составляющими, и ненасыщенными связями (и т. д.) – неупорядоченными, т.е. теми, что в сложности и соотносит к случаю Л. Витгенштейн, а синергетика видит в этом хаотичность как сложность – это есть закономерность. При этом следует помнить следующую, лосевскую, интерпретацию хаоса: «хаос есть универсальный принцип сплошного непрерывного, бесконечного и беспредельного становления» [20]. Но это иной хаос. Этот персонаж мифической картины древнего мира в философских трактатах интерпретируется и как беспорядок [21]. Но теперь в парменидовской сентенции «небытие становится бытием» обнаруживается и платоновское, и аристотелевское, и схоластическое, и гегелевское понятие промежуточного, т. е. возвращаемся к главному и существенному выводу этих рассуждений сложно промежуточное между крайними. Оно уже одновременно содержит в себе, по меньшей мере, две крайности, как в гегелевском законе борьбы противоположностей. Крайности единичны и противостоят друг другу, промежуточное не единично, а состоятельно, содержательно, оно и компромисс, и борьба, и консенсус. Но Парменид отождествлял небытие как отсутствие всякого бытия. Крайние в промежуточном не есть противоположные, они – иные. И это состояние единения иных и есть сложность как «бытие становится инобытием». В связи с этим в категории промежуточного выступают «в качестве опосредующего обе крайности» [22]. В этом положении обобщена вековая мудрость философской рефлексии: промежуточное всегда важнее крайностей. И в этом разговоре о промежуточном подчеркивается: эта категория познания есть предпосылочное, основополагающее обоснование понимания процессуальности. И оно, как видно, знакомо из ранних философских рассуждений. Возрождено Г.В.Ф. Гегелем в Новое время. Эта физическая реальность открыта благодаря метафизической категории деятельности или ἐνέργεια, но и доказывается благодаря другой метафизической категории порядок-хаос.

Литература

1. Платон. Сочинения. Филеб. В 3-х т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1993. – С. 75.
  2. Аристотель. Метафизика. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. – 334 с.
  3. Пригожин И. Р., Стенгерс И. Порядок из хаоса. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
  4. Антология мировой философии. В. 4-х т. – М.: Мысль, 1969. – Т. 1. – Ч. 2. – С. 295.
  5. Антология мировой философии. В. 4-х т. – М.: Мысль, 1969. – Т. 1. – Ч. 2. – С. 850-851.
  6. Алиева К.М., Тишин А. И. Философия и синергетика о сложности /ИФиА НАН КР; КНУ им. Ж. Баласагына. – Б.: Илим. – 2003. – 360 с. 22,5 п.л.
  7. Аристотель. Сочинения в 4-х т. Физика. – М.: Мысль, 1981. – Т. 3. – С. 61-81.
  8. Аполлонов А.В. Введение в категорические силлогизмы А.М.Т.С. Боэция // Вопросы философии. – 1999. – № 1. – С. 140.
  9. Кант И. О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира. Сочинения. В 6-ти томах. – М.: Мысль, 1964. – Т. 2. – С. 384.
  10. Гегель Г.В. Ф. Энциклопедия философских наук. Философия природы. – М., 1975. – Т. 2. – 695 с.
  11. Гегель Г.В. Ф. Наука логики. Учение о бытии. – М.: Мысль, 1970. – Т. 1. – С. 466-467.
  12. Платон. Сочинения. Федон. В 3-х т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1993. – С. 23.
  13. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат – М.: ИЛ, 1958. – 134 с.
  14. Маркс К., Энгельс Ф. Диалектика природы. Соч. – 2 изд. – М.: Политическая литература, 1961. – Т. 20. – С. 586.
  15. Гегель Г.В. Ф. Энциклопедия философских наук. Наука логики. – М.: Мысль, 1974. – Т. 1. – С. 335.
  16. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Учение о сущности. – М.: Мысль, 1971. – Т. 2. – С. 66.
  17. Уайтхед А.Н. Избранные труды по философии. Процесс и реальность. – М., 1990. – С. 272-303
  18. Бергсон А. Творческая эволюция. – М.: СПб., 1914. – С. 324.
  19. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. – М.: Высшая школа, 1991. – 192 с.
  20. Мифологический словарь. – М.: 1990. – С. 569.
  21. Платон. Сочинения. Тимей. В 3-х т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1993. – С. 433.
  22. Маркс К., Энгельс Ф. Экономические рукописи 1857–1858 годов. Сочинения. – 2-е изд. – М.: Политическая литература, 1961. – Т. 46. – Ч. 1. – 560 с.
-